

38	0208*	БУЛАТ ОКУДЖАВА	«Керамический конь»	Часть 1 «Ну потерпи»
39	0208-2*	БУЛАТ ОКУДЖАВА	«Керамический конь»	Часть 2 «В дороге»

«Керамический конь». Часть 1 «Ну потерпи» (Коренбит – Окуджава)

1. Нотные значки	– 2.21
2. Большая перемена	– 1.56
3. Москва	– 1.29
4. Вы куда?	– 2.01
5. Эта женщина такая	– 1.44
6. Керамический конь	– 3.03
7. Щедрость	– 2.21
8. Ну потерпи	– 2.21
9. Две дороги	– 2.05
10. Лишь к тебе	– 1.52
11. Мой почтальон	– 2.51
12. Портрет Прекрасной Дамы	– 2.21
13. Я должен	– 1.48
14. Не знаю	– 2.26
15. Шарманка	– 2.31
16. Юный флейтист	– 1.52
17. Царская осень	– 2.14
18. Странная музыка	– 1.51
19. Строгая женщина	– 2.49
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 41.56</i>
<i>Общее время звучания</i>	<i>– 83.54</i>

СОДЕРЖАНИЕ

«Керамический конь». Часть 1 «Ну потерпи»

1. НОТНЫЕ ЗНАЧКИ

Весь этот век, такой бесплодный —
 есть дело наших горьких рук,
 и только грамотою нотной
 исправить можно сей недуг.

Когда народ от горя плачет,
 тараша в ужасе зрачки,
 хоть мало их — но много значат
 простые нотные значки.

За мнимой этой простотою
 под грифельком карандаша
 с невыразимой остротою
 вдруг раскрывается душа.

Да, да, средь тех крючков потешных
 на тех линейках прописных
 рождается из мук безбрежных
 земное выраженье их.

Рождается как продолженье

мычання пересохшим ртом.
И всё — над бездною скольжение...
А музыка — она потом.

2. БОЛЬШАЯ ПЕРЕМЕНА

Долгий звонок соловьем пропоет в тишине,
всем школярам перемену в судьбе обещая.
Может, затем, чтоб напомнить тебе обо мне,
перемена приходит большая.

Утро и ночь проплывают за нашим окном.
Хлеб и любовь неразлучными ходят по кругу.
Долгий звонок... Мы не раз еще вспомним о нем,
выходя на свиданье друг к другу.

Время не ждет. Где-то замерли те соловьи.
Годы идут. Забываются школьные стены.
Но до конца... Это, видимо, в нашей крови
ожиданье большой перемены.

3. МОСКВА

У Спаса на Кружке забыто наше детство.
Что видится теперь в раскрытое окно?
Всё меньше мест в Москве, где можно нам погреться,
всё больше мест в Москве, где пусто и темно.

Мечтали зло унять и новый мир построить,
построить новый мир, иную жизнь начать.
Всё меньше мест в Москве, где есть о чём поспорить,
всё больше мест в Москве, где есть о чём молчать.

Куда-то все спешит надменная столица,
с которою давно мы перешли на «вы»...
Всё меньше мест в Москве, где помнят наши лица,
всё больше мест в Москве, где и без нас правы.

4. ВЫ КУДА?

Вся земля, вся планета — сплошное «туда».
Как струна, дорога звонка и туга.
Все, куда бы ни ехали, только — туда,
и никто не сюда.
Все — туда и туда.

Остаюсь я один. Вот так. Остаюсь.
Но смеюсь (и признаться боюсь, что боюсь).
Сам себя осуждаю, корю. И курю.
Вдруг какая-то женщина (сердце горит)...
— Вы куда?! — удивленно я ей говорю.
— Я сюда... — так влюбленно она говорит.

«Сумасшедшая! — думаю. — Вот ерунда...
Как же можно «сюда», когда нужно — «туда»?!

5. ЭТА ЖЕНЩИНА ТАКАЯ

Эта женщина такая:
ничего не говорит,
очень трудно привыкает,
очень долго не горит.

Постепенно, постепенно
поднимается, кружа
по ступеням, по ступеням
до чужого этажа.

До далекого, чужого,
до заоблачных высот...
и, прищурясь, смотрят жены,
как любить она идет,

как идет она — не шутит,
хоть моли, хоть не моли...
И уходят в норы судьи
коммунальные мои.

6. КЕРАМИЧЕСКИЙ КОНЬ

Я люблю эту женщину. Очень люблю.
Керамический конь увезет нас постранствовать,
будет нас на ухабах трясти и подбрасывать...
Я в Тарусе ей кружев старинных куплю.

Между прочим, Таруса стоит над Окой.
Там торгуют в базарные дни земляникою,
не клубникою, а земляникою, дикою...
Вы, конечно, еще не встречали такой.

Эту женщину я от тревог излечу
себя отучу от сомнений и слабости,
совсем не за радости и не за сладости
я награду потом от нее получу.

Между прочим, земля околдует меня
и ее и окружит людьми и деревьями,
и, наверно, уже за десятой деревнею
с этой женщиной мы потеряем коня.

Ах, как гладок и холоден был этот конь!
Позабудь про него. И, как зернышко — в борозду,
ты подкинь-ка, смеясь, августовского хворосту
своей белою пригоршней в красный огонь.

Что ж касается славы, любви и наград...
Где-то ходит, наверно, конь керамический
со своею улыбочкою иронической...
А в костре настоящие сосны горят!

7. ЩЕДРОСТЬ

Горит пламя, не чадит.
Надолго ли хватит?
Она меня не щадит —
тратит меня, тратит.

Быть недолго молодым,
скоро срок догонит.
Неразменным золотым
покачусь с ладони.

Потемнят меня ветра,
дождичком окатит...
А она щедра, щедра —
надолго ли хватит?

8. НУ ПОТЕРПИ

Время идёт, хоть шути — не шути,
как морская волна вдруг нахлынет и скроет...
Но погоди, это всё впереди,
дай надышаться Москвою.

Мало прошел я дорогой земной.
Что же рвешь ты не в срок пополам мое сердце?
Ну не спеши, это будет со мной,
ведь никуда мне не деться.

Видишь тот дом? Там не гасят огня,
там друзья меня ждут не больным, не отпетым...
Да не спеши! Как же им без меня?
Надо ведь думать об этом.

Дай мне напиться воды голубой,
придержи до поры и тоску и усталость...
Ну потерпи, разочтемся с тобой —
я должником не останусь.

9. ДВЕ ДОРОГИ

Не сольются никогда зимы долгие и лета:
у них разные привычки и совсем несхожий вид.
Не случайны на земле две дороги — та и эта,
та натруживает ноги, эта душу бередит.

Эта женщина в окне в платье розового цвета
утверждает, что в разлуке невозможно жить без слез,
потому что перед ней две дороги — та и эта,
та прекрасна, но напрасна, эта, видимо, всерьез.

Хоть разбейся, хоть умри — не найти верней ответа,
и куда бы наши страсти нас с тобой ни завели,
неизменно впереди две дороги — та и эта,

без которых невозможно, как без неба и земли.

10. ЛИШЬ К ТЕБЕ

Вокзал прощанье нам прокличет,
и свет зеленый расцветет,
и так легко до неприличья
шлагбаум руки разведет.

Не буду я кричать и клясться,
в лицо заглядывать судьбе...
Но дни и версты будут красться
вдоль окон поезда, к тебе.

И лес, и горизонт далекий,
и жизнь, как паровозный дым,
всё — лишь к тебе, как те дороги,
которые когда-то в Рим.

11. МОЙ ПОЧТАЛЬОН

Всяк почтальон в этом мире, что общеизвестно,
корреспонденцию носит и в двери стучит.
Мой почтальон из другого какого-то теста:
писем ко мне не приносит, а только молчит.

Топчется в темной прихожей в молчании строгом,
круг оттоптал на пороге у самых дверей.
Радостный день и объятия там, за порогом,
горестный мрак и утрата в пещере моей.

Мой почтальон презирает меня и боится,
жаждет скорей от меня отбойриться, плут.
Там, за порогом, мелькают счастливые лица,
там ни о чем не жалеют и писем не ждут.

Вот наконец, изгибаясь и кланяясь, что ли,
будто спасаясь, спешит по обратной тропе.
Как он вздыхает легко, оказавшись на воле,
как ни о чем не жалеет, теряясь в толпе.

12. ПОРТРЕТ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

В моей душе запечатлен портрет одной прекрасной дамы.
Ее глаза в иные дни обращены.
Там хорошо, и лишних нет, и страх не властен над годами,
и все давно уже друг другом прощены.

Еще покуда в честь нее высокий хор поет хвалебно
и музыканты все в парадных пиджаках.
Но с каждой нотой, Боже мой, иная музыка целебна...
И дирижер ломает палочку в руках.

Не оскорблю своей судьбы слезой поспешной и напрасной,
но вот о чем я сокрушаюсь иногда:

ведь что мы сами, господа, в сравнение с дамой той прекрасной,
и наша жизнь, и наши дамы, господа?

Она и нынче, может быть, ко мне, как прежде, благосклонна,
и к ней за это благосклонны небеса.
Она, конечно, пишет мне, но... постарели почтальоны,
и все давно переменились адреса.

13. Я ДОЛЖЕН

Не предвкушай счастливых дней,
преподнесенных небесами.
Омыты горькими слезами,
они взойдут в душе твоей.

И времечко не то, и свечка оплыла.
Из всяких громких слов рубахи не сошьешь.
Я должен, должен жить, затем, чтоб ты жила,
ведь я и сам живу, покуда ты живешь.

Не жди безоблачной любви,
и громогласной, и безгрешной:
она ведь не простор безбрежный,
а тайный сговор меж людьми.

Любовь то вознесет, раскинувши крыла,
то сгубит ни за грош, а что с нее возьмешь?
Я должен, должен жить, затем, чтоб ты жила,
да я и сам живу, покуда ты живешь.

14. НЕ ЗНАЮ

В чаду кварталов городских,
среди несметных толп людских
на полдороге к раю
звучит какая-то струна,
но чья она, о чем она,
кто музыкант — не знаю.

Кричит какой-то соловей
отличных городских кровей,
как мальчик, откровенно:
«Какое счастье — смерти нет!
Есть только тьма и только свет —
всегда попеременно».

Столетия строгого дитя,
он понимает не шутя,
в значении высоком:
вот это — дверь, а там — порог,
за ним — толпа, над ней — пророк
и слово — за пророком.

Как прост меж тьмой и светом спор!

И счастлив я, что с давних пор
все это принимаю.
Хотя, куда ты ни взгляни,
кругом пророчества одни,
а кто пророк — не знаю.

15. ШАРМАНКА

То падая, то снова нарастая,
как маленький кораблик на волне,
густую грусть шарманка городская
из глубины двора дарила мне.

И вот, уже от слез на волосок,
я слышал вдруг, как раздавался чёткий
свихнувшейся какой-то нотки
веселый и счастливый голосок.

Пушкой охватывает нас смятеньем
несоответствие мехов тугих,
но перед наводнением смертельным
всё хочет жить. И нету правд других.

Все ухищрения и все уловки
не дали ничего взамен любви...
...Сто раз я нажимал курок винтовки,
а вылетали только соловьи.

16. ЮНЫЙ ФЛЕЙТИСТ

Как улыбается юный флейтист,
флейту к губам прижимая!
Как он наивен, и тонок, и чист!
Флейта в руках как живая.

Как он старается сам за двоих,
как вдохновенно все тело...
И до житейских печалей моих
что ему нынче за дело?

Вот он стоит у метро на углу,
душу раскрыв принародно,
флейту вонзая, как будто иглу,
в каждого поочередно.

Вот из прохладной ладони моей
в шапку монетка скатилась...
Значит, и мне тот ночной соловей –
кто он, скажите на милость?

Как голосок соловья ни хорош,
кем ни слышу я на свете,
нету гармонии ну ни на грош
в нашем счастливом дуэте.

17. ЦАРСКАЯ ОСЕНЬ

Какая царская нынче осень в Царском Селе!
Какие красные листья тянутся к черной земле,
какое синее небо и золотая трава,
какие высокопарные хочется крикнуть слова.

Но вот опускается вечер,
и слышится ветер с полей,
и филин рыдает, как Вертер,
над серенькой мышкой своей.

Уже он не первую губит,
не первые вопли слышны.
Он плоть их невинную любит,
а души ему не нужны.

И все же какая царская осень в Царском Селе!
Кик прижимаются листья лбами к прохладной земле,
какое белое небо и голубая трава,
какие высокопарные хочется крикнуть слова!

18. СТРАННАЯ МУЗЫКА

На странную музыку сумрак горазд,
как будто природа пристанище ищет:
то голое дерево голос подаст,
то почва вздохнет, а то ветер просвищит.

Все злей эти звуки, чем ближе к зиме
и чем откровеннее горечь и полночь.
Там дальние кто-то страдают во тьме
за дверью глухой, призывая на помощь.

Там чьей-то слезой затуманенный взор,
которого ветви уже не упрячут...
И дверь распахну я и брошусь во двор:
а это в доме моем стонут и плачут.

19. СТРОГАЯ ЖЕНЩИНА

Строгая женщина в строгих очках
мне рассказывает о сверчках,
о том, как они свои скрипки
на протянутых носят руках,
о том, как они понемногу,
едва за лесами забрезжит зима,
берут свои скрипки с собою в дорогу
и являются в наши дома.

Мы берем их пальто, приглашаем к столу
и признательные расточаем улыбки,
но они очень скромно садятся в углу,
извлекают свои допотопные скрипки,

расправляют помятые сюртучки,
поднимают над головами смычки,
распрямляют свои вдохновенные усики...
Что за дом, если в нем не пригреты сверчки
и не слышно их музыки!..

Строгая женщина щурится из-под очков,
по столу громоздит угощенье...
Вот и я приглашаю заезжих сверчков
за приличное вознаграждение.
Я помятые им вручаю рубли,
их рассаживаю по чину и званию,
и играют они вечный вальс по названию:
«Может быть, наконец, повезет мне в любви...»